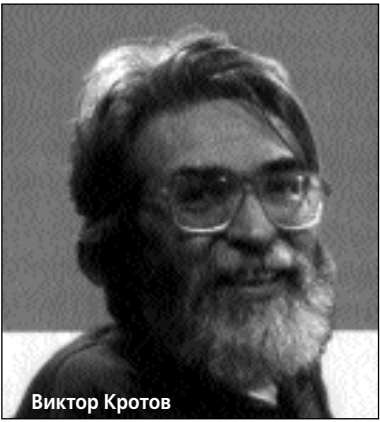

Вера и сказка

Виктор Кротов

«Как можно верить во всякие сказки?» — пожимает плечами человек, получивший в детстве мощную прививку атеизма. И дважды промахивается: и в отношении веры, и в отношении сказки.

Можно говорить о вере как о «разумном согласии души на нормальное пользование своей свободой», следуя Клименту Александрийскому. Можно соглашаться с Гёте в том, что «вера — это радужный мост между небом и землей». Можно вместе со Львом Толстым считать, что вера — это «понимание смысла жизни и признание вытекающих из этого понимания обязанностей». В любом случае вера ближе к особому знанию, чем к погружению в иллюзии. С важным уточнением Ивана Киреевского (философа и публициста XIX века): «вера — не столько знание истины, сколько преданность ей».

Но и сказку нелепо считать иллюзией. Создавать иллюзии скорее свойственно художественному реализму, который использует все краски действительности, по-своему её имитируя. Сказка в этом смысле честнее: она создает свою реальность. Свой мир со своими особенностями. Она не притворяется истиной, хотя и способна преданно служить ей.

Сказочная реальность соткана из образов и символов. Она выражает глубинные представления о добре и зле, о справедливости, о свойствах человеческой души, о тайне, наполняющей мир.

Повседневная жизнь полна бесчисленных подробностей. В них нередко тонут суть происходящего с нами, смысл нашей судьбы. Впрочем, бывают и сказки, подражающие второстепенным деталям жизни. Но одухотворенная сказка убирает лишнее, сосредотачивает внимание на чем-то заслуживающем особого внимания.

Она делает это своими особыми, обобщенными до парадокса методами.

Можно относиться к сказке, как к забаве. Удовлетвориться тем, что это выдумка для развлечения. Но куда интереснее обратить внимание на сказку-притчу, на её неназойливые намёки, на её игровой урок для добрых молодых и для красных девиц. Впрочем, мне хотелось бы говорить не столько о народной сказке (выражающей, по мнению Юнга, «коллективное бессознательное» народа), сколько о сказке авторской. О сказке, которая позволяет высветить то, что не всегда может продемонстрировать нам окружающий нас мир, далёкий от идеала. Как, например, в истории про Лямбу.

Лямба
Слизнячок Лямба ощущал всё, что творилось в мире. И не мог понять, зачем люди мешают друг другу жить: воюют и дерутся. Сам он двигался осторожно, чтобы никому не мешать. Наконец не выдержал Лямба и сказал: «Да хватит вам!». Все услышали эти слова, перестали вредить друг другу и стали помогать. Вскоре все кончилось, и Лямба успокоился.

Для того, чтобы мы могли получить от сказки то, что она способна нам дать, необходима доверие к ней. Необходимо серьёзное отношение к тем несомненным реальностям, которые присутствуют в неправдоподобных сказочных обстоятельствах. Дракон может быть выдумкой, но не могут быть выдумкой любовь или отвага. Сказочный маскарад нужен для того, чтобы увидеть те настоящие вещи, которые остаются настоя-

щими при любом маскараде.

В духовной жизни, как и в сказке многие идеалы открываются нам по вере нашей. Сказка часто оказывается побуждением к таким открытиям, в этом её глубина и значение. Она побуждает нас к постижению мира через парадоксальное и невозможное. Мы говорим «как в сказке» о том, что приближает нас к невысказанному идеалу, к невероятному переживанию реальности высшего, сказочного уровня.

Если мы теперь обратимся к христианскому взгляду на жизнь, то увидим, что одна из его главных особенностей связана с противопоставлением видимой реальности и её невидимого источника. «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11.1). И ещё: «Верую познаём, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое» (Евр. 11.3). А в сказке невидимое может встретиться с видимым самым непосредственным образом. Так случилось со скалолазом Моном.

Рюкзак с неба

Полез Мон на вершину высокой горы. Сам бы ничего, да рюкзак вниз тянет. Но всё же Мон дошёл. Встретил на вершине ангела. Тот говорит: «Давай меняться: земной рюкзак на небесный». Согласился Мон и полез вниз. А небесный рюкзак вверх тянет. Еле дотащил его Мон. Развязал — а там пусто! Только голос ангела слышен: «Верхние вещи так просто не увидишь. Ничего, они сами своё место найдут. Спасибо, что дотащил, Мон».

Получается, что та наивная доверчивость, которую ждёт от нас сказка и без которой она не может существовать, — крайне важное для нас свойство.

Сказка располагает нас заглядывать дальше привычных мелочей обихода, дальние бытовых и житейских обстоятельств. Внимание к малому миру, созданному в сказке, возбуждает в нас внимание к замыслу большого мира, устроенного словом Божиим. Сказочные тайны напоминают нам о той великой Тайне, в которой осуществляется наше бытие.

Сказка напоминает, намекает, не более того. Но пока мы ещё не обрели способность напрямую воспринимать важнейшие истины, напоминания и намёки неопенимо полезны для нас.

Рассчитывая на детскую доверчивость, сказка может обращаться и к взрослым.

Но главные эксперты этого жанра — всё-таки дети. Дети — это лучший народ в каждом народе, и они понимают толк в сказках.

Ребёнок расположен к сказке и к вере от природы. Не от биологической, а от вестной природы души и духа, ещё не затемнённой житейскими передрягами.

Недаром Христос призывал своих учеников быть «как дети» (Мф. 2.3). И недаром Христос говорил притчами — сказками, раскрывающими духовную суть явлений. Он и действовал притчами. Ведь что такое чудо, как не осуществлённая сказка? Осуществлённая Тем, Кто имеет власть над всей реальностью, видимой и невидимой.

Чудо, притча, сказка — это пробуждающий вызов и нашей вере, и нашему поведению. Наши человеческие чудеса и сказки лежат в земном измерении. Но и это немало. И мы носим в себе волшебную способность стать свидетелями иных чудес, идущих сверху. Узнать чудо, откликнуться на него, открыться ему — значит участвовать в соединении видимого мира с невидимым, в осуществлении Замысла, превышающего и нашу повседневную реальность, и даже сказочную.

Кругодыры

Жили вокруг дыры кругодыры. Они думали, что дыра важнее всего в их жизни. Самые смелые заглядывали в неё. Самые умные размышляли: что там? Однажды из дыры вылетела одnogлазая птица. Села перелохнуть, осмотрелась и сказала: «Повеало вам! Так близко к небу живёте».

Полетела птица дальше вверх, а кругодыры подняли вслед за ней головы — и заметили НЕБО.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что в моей жизни всегда была предопределенность, которую я не сразу осознала.

То же самое могу сказать о творчестве. Фильмы, над которыми я работала, часто получались не такими, как я их задумывала. Мне хотелось создавать смешные фильмы, как «Ну, погоди!», например, а получалось всегда что-то лирическое, фильмы о любви, о дружбе. Были моменты, когда мне казалось, что это не я фильмы делаю, что моей работой руководит Высший Режиссер.

Розалия Зельма не принадлежит к числу тех творческих личностей, кого часто показывают по телевизору. Но почти каждый из нас знает её через её творчество. Она — режиссер анимационного кино. Кто из нас в детстве не смотрел мультфильм про «Самый младший дождик», которому хотелось побыстрее подрасти и принести пользу, или про дружбу девочки и дельфина. «Филлипок», «Мы с Джеком», «Пуало», «Ночь рождения» — всего 25 фильмов.

Интересная профессия, достаточно яркая, насыщенная жизнь, некоторыми эпизодами из которой Розалия Борисовна делится с нами.

Свое детство я провела в Киеве. Рядом с домом, в котором мы жили, стояла красивая деревянная церковь. Я часто видела, как верующие бабушки в платочках с котомочками шли на богослужение, и мне тоже очень хотелось в храм. Внутри было не то что любопытство, но какое-то мистическое благоговение перед образом Иисуса. Меня всегда привлекал этот образ. Но я была девочкой из еврейской семьи, и ходить в православный храм нам было запрещено.

С детства я очень любила рисовать. Когда училась в начальной школе, на уроках рисовывала все, что оказывалось под рукой: тетради, учебники, даже партам доставало. Дошло до того, что директор вызвал моего отца в школу: «Может, Ваша дочь — будущий художник? Вы не думали о том, чтобы определить ее в художественную школу?»

«Птичий праздник»

— к сожалению, у меня ничего не получилось. Я не чувствовала себя там как дома. Где-то года с 1984-го в моей жизни начались страшные испытания, депрессии, непонимание, одиночество. Однажды я ехала в метро, и чья-то рука протянула мне приглашение на фильм «Иисус». Я пришла.

После просмотра фильма был призыв заключить завет с Богом. Откликнулись на него человек тридцать. Я тоже была в их числе. В тот вечер домой я возвращалась как на крыльях. Я стала видеть все в другом свете, как будто в глазах у меня были другие линзы.

А в 1995-м году впервые попала на служение в церковь «Роса» (тогда еще служения проходили в кинотеатре «Первомайский»). И слова пастора церкви меня словно прожгли. Так было, в частности, насквозь. Я услышала то, чего давно желала услышать моя душа, и с тех пор постоянно стала приходить на богослужения в эту церковь. С тех пор моя жизнь и мое самоощущение в этом мире полностью изменились. Пришла радость, которой, и как хорошо режиссер все продумал — мне было

ноту счастья может дать только Бог, знание Бога и спасение.

В творчестве, надо сказать, я тоже всегда ощущала некую предопределенность. Во-первых, все мои фильмы, хотела того или нет, получались о любви. Во-вторых, во время работы над ними порой происходили совершенно фантастические совпадения, и тому есть свидетели. Например, композитор, с которым я работала, Эдуард Артемьев, сидит где-нибудь в Париже, пишет музыку, а мой мультипликатор сидит где-нибудь под Москвой и делает мультипликат (продублированные картинки, которые вместе создают впечатление движения). И когда потом мы сводили все это вместе, то видели потрясающие совпадения музыки и движения. Так было, в частности, с мультфильмом «Девочка и дельфин». И когда позже в передаче «Музыка в кино» показывали эпизоды из этого фильма и говорили о том, что это эталон того, как изображение может совпадать с музыкой, и как хорошо режиссер все продумал — мне было

димо людям, чтобы изменилась обстановка в их стране. Хочу сказать, что подобное пробуждение сегодня есть и среди людей искусства. Многие люди искусства, знаменитые актеры, режиссеры, художники приходят к вере.

В институте кинематографии я училась в одно время с Екатериной Васильевой, Валентиной Теличкиной, Ольгой Гобзевой. Все они сейчас — по-настоящему верующие люди, и это проявляется в творчестве. Недавно видела фильм с участием Екатерины Васильевой, «Приходи на меня посмотреть», где передо мной была совершенно другая Екатерина Васильева, не та, которую я знала прежде.

Взять такого величайшего мастера российского кино как Тарковский. Ведь искусство кино имеет свойство устаревать. Устаевают даже фильмы Эйзенштейна, Пудовкина, Феллини. Когда Феллини через какое-то время увидел свои фильмы, то многим был просто разочарован. Что же касается фильма Тарковского «Солярис», то он, наверное, не ус-

«Ночь рождения»

НАРИСОВАННОЕ ДЕТСТВО

них обстоятельств, у которой источник — Бог.

Сравнивая свою прошлую жизнь и теперешнюю, я могу с уверенностью сказать, что без Господа, не узнав Его, ты не можешь быть счастливым. Я имела в своей жизни все: великодушное образование, очень удачно вышла замуж, у меня родилась прекрасная дочь, я делала фильмы такие, какие могла, направляет мою работу был и успех, и авторитет в своем кругу. Была и такая трибуна как ТВ (мои мультфильмы показывали очень часто). И все равно я не чувствовала себя счастливой. Почему? Я все время задавала себе этот вопрос. Ответ нашла позже: пол-

смешно. Потому что я-то знала, что ничего такого не produ-mывала. Просто все совпало.

Иногда я была в отчаянии: мне казалось, что ничего не получается, и что делать дальше — не знала. Но вдруг как-им-то чудесным образом все начинало выстраиваться и по-лучаться само. И тогда я стала думать о том, что кто-то рядом есть — кто-то, кто по-я хотела. У меня действительно был и успех, и авторитет в своем кругу. Была и такая трибуна как ТВ (мои мультфильмы показывали очень часто). И все равно я не чувствовала себя счастливой. Почему? Я все время задавала себе этот вопрос. Ответ нашла позже: пол-

смешно. Потому что я-то знала, что ничего такого не produ-mывала. Просто все совпало.

Иногда я была в отчаянии: мне казалось, что ничего не получается, и что делать дальше — не знала. Но вдруг как-им-то чудесным образом все начинало выстраиваться и по-лучаться само. И тогда я стала думать о том, что кто-то рядом есть — кто-то, кто по-я хотела. У меня действительно был и успех, и авторитет в своем кругу. Была и такая трибуна как ТВ (мои мультфильмы показывали очень часто). И все равно я не чувствовала себя счастливой. Почему? Я все время задавала себе этот вопрос. Ответ нашла позже: пол-

тареет никогда, потому что в нем — вечная забота Господа о том, чтобы любовь была на Земле. А любовь вечна. Я уверена, что Тарковский был верующим человеком, и Господь явно руководил им во время работы над этим фильмом.

Моя мечта — чтобы побольше верующих работало на телевидении. Меня удивляет, когда люди недооценивают роль телевидения в нашей жизни, считая телевизор чем-то плохим (называют его «ящик для идиотов» или «дьявольский ящик»). Конечно, не все, что мы видим сегодня на экранах телевизоров, соответствует Богу. Это очевидно. Но есть много людей, в частности, инвалиды, которые по-разному причинам не могут выходить на улицу. И богослужения они могут видеть только сидя дома. Сейчас транслируется много фильмов на библейские темы. Значит, счастье дает только Иисус, ве-

Все зависит от того, какие люди работают на нем.

Сейчас я преподаю в институте телевидения и радио. Моим студентам в среднем по 17 лет. Эти ребята более открыты для слышания Евангелия, чем были мы когда-то. Они выросли в перестройное время, их не подавляли комсомолом, пионерией, поэтому они более свободны, самостоятельны. По причине отсутствия коммунистического коллективизма многие из них часто остаются наедине с собой и задают себе вопросы, на которые может ответить только Библия, Евангелие. И оттого, какие педагоги будут у них, зависит, будут ли они вещами или все-таки познаться к Богу. Ведь когда начинается падение в жизни человека — и моральное, и духовное? Когда он не находит ответа на свои вопросы, счастье дает только Иисус, ве-

ра в Него. Вещи этого дать не могут.

У меня каждый второй студент хочет делать фильм о Боге, в каждом втором сценарии говорится об ангелах. Они сами к этому идут, я их не заставляю. Я ни разу не видела, чтобы они сидели равнодушно, когда речь заходит о Боге. Вместе с тем, когда я начинаю говорить об искусстве, о кинематографе, некоторые из них сразу выключаются.

Недавно я была приглашена на работу в обновленный «Союзмультфильм». И пригласил меня туда заместитель директора, очень верующий человек, православный, зная, что я принадлежу к другой христианской конфессии. В этом я вижу добрый знак того, что в ближайшее время через искусство Господь объединит христиан всех конфессий. ★

Материал подготовила
Марина Чернوبرовина

Кадр из м/фильма «Мы с Джеком».